

НИНА МАЛКИНА

KVERTINDA

красные луны квертинда

ТАРОККО и ЭДЕЛЬВЕЙС

18+

Нина Малкина
Тарокко и эдельвейс
Серия «Бонусные рассказы к циклу
«Красные луны Квертинда»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801994
SelfPub; 2023*

Аннотация

Бонусная глава к серии «Красные луны Квертинда». Данная глава является продолжением книги «Орден Крона. Армия Свободы», в ней предстают события того же дня одноимённой главы книги «Орден Крона. Банда изгоев», но от лица Чёрного Консула. Оставь надежду на всё доброе, светлое, вечное в менторе чёрного паука всяк в этот рассказ входящий. Если вы спустя столько книг всё ещё верили в то, что он благороден и порядочен, на этой главе вашей вере придёт конец. Не говорите, что вас не предупреждали.

Нина Малкина

Тарокко и эдельвейс

Сведений о временах Древних Волхвов в библиотеке академии почти не было. Все книги конфисковал Преторий, а те, что остались, больше походили на сказки и легенды, щедро сдобренные вымыслом менестрелей.

Кирмос откинул очередную повесть о Тибре, развеявшем икша в бурый дым, и взялся за древний манускрипт. Размытый, почти нечитаемый, он был записью слугителя Девейны в смутные времена и повествовал о деревне, от которой после нашествия грязекровок остались лишь камни да котлованы. Дальше следовала личная философия монаха, общий смысл которой сводился к «Espati te santania», что могло переводиться с тахиши и как «начало времён», и как «пришествие спасителя». Что, в общем-то, с появлением первого Иверийца оказалось одним и тем же.

То, что икша станут проблемой, Кирмос понял ещё после первых посещений кроуницких шахт. Слишком быстро плодятся, слишком живучие, не поддаются кровавым заклинаниям. Сходство их телепортации с Иверийской было очевидно, но принципы управления временем Мирасполь скрывал даже от своего верного стяжателя. Блайт регулярно испытывал на себе магию перемещения, но как потребитель, поскольку создателями являлись только истинные Иверийцы,

канувшие в вечность вместе с беспечной Лауной.

Кирмос отложил пергамент и потёр переносицу. Стоило бы ненадолго покинуть пост магистра факультета Ревда и прогуляться до Кроуницкого консульства, а оттуда – порталом в библиотеки Претория, но это было слишком опасно для испытания. К тому же в планы на единственный выходной в очередной раз вмешалась та, которая одним своим появлением перечёркивала всё, что так старательно возводилось много лет.

– Можно я вообще не буду ходить на эти занятия? – раздалось за спиной. – Только время трачу!

Ментор невольно улыбнулся. Непослушная мейлори с каждым днём всё больше напоминала его самого, правда, двадцатилетней давности. Странное, причудливое влияние связи: даже во внешности Юны находились знакомые черты, словно она была женским воплощением его собственной сущности.

– Нельзя, – мягко ответил Кирмос. Он даже обрадовался внезапному перерыву на беседу. – Ты ведь уже взрослая девочка, Юна. Должна сама понимать: то, что преподаёт магистр Банфик, – тоже своего рода магия, весьма могущественная. И ей тоже можно научиться. Использовать или нет – другой вопрос.

– Знаешь, я заметила, что сталь и угроза расправы могущественнее магии. Ты сам говорил: напугай их, подчини посредством страха! И это сработало!

Кирмос развернулся на стуле. Юна лежала на его кровати, развлекаясь с любимой игрушкой – последним творением старика Карнеума. Лук Кирмос заказал ещё весной, в качестве подарка за спасение. Пришлось отправить к старику троих стяжателей и дилижанс, набитый золотом – хватило бы выкупить две деревни. Эта прихоть едва не стала роковой ошибкой: тщеславный старик догадался о заказчике и начал трепать языком в трактире. Благо, люди консула Блайта слышали эту новость раньше, чем она успела разлететься. Так что тот Карнеум, что сейчас занимал юную мейлори, стал действительно последним творением мастера. Кирмосу не было его жаль – глупцы редко умирают своей смертью.

– И ты, конечно, решила, что теперь будешь пугать всех: врагов, друзей и даже магистров? Что Юна Горст станет вздорной грубиянкой, с которой лишний раз побоятся связываться, независимо от намерений? – Ментор ехидно поднял одну бровь.

«Станет такой же, как ты,» – стоило добавить по-хорошему. Но ментора забавляла эта игра и та праведная злость, от которой мейлори раздувала щёки. И её рвение – тоже.

Именно из-за этого рвения Кирмос впервые подарил женщине оружие. А Юна действительно искренне, без малейшего жеманства, радовалась подарку, при этом даже не подозревая о его истинной цене. Она вообще была как будто из другого мира. Мира под названием Фарелби, где не существовало понятий цены, времени, жертвы.

– Я ведь и правда сегодня честно пыталась следовать указаниям магистра Банфик, пока танцевала с Бэзилом Окументом! – заявило ожившее порождение озера. – Но заткнулся он только после того, как я пригрозила затолкать ему свинью в глотку.

Кирмос едва сдержал смех. Рассмеяться сейчас было бы... непедагогично, как сказала бы Надалия Аддисад.

Тонкий аромат защекотал ноздри. Что-то яркое, фруктовое, смешанное со знакомым до боли девичьим запахом. Он одурманил, внезапно вывел из себя и растёкся по венам нетерпеливым отголоском.

...и захотелось резко выдернуть её с постели, сжать в объятиях, наброситься и сделать всё, о чём нельзя было даже думать. Подмять под себя девичье тело и брать, брать до тех пор, пока не отпустит эта злая прихоть, это наваждение, маячившее на задворках сознания, мешающее разумно действовать, планировать, размышлять и принимать здравые решения. Лишающее Кирмоса главной силы – холодного рационализма.

Ментор сморгнул внезапный приступ вожделения.

– Тебе никогда не приходило в голову, что добиваться своего можно не только силой и угрозами? – Кирмос постарался сдержать издевательскую ухмылку, чтобы выглядеть серьёзнее. – Что есть другой, более лёгкий метод убеждения? При этом не менее, а, возможно, даже более действенный. Который может влиять на воображение эффективнее стра-

ха и интересоваться больше, чем материальная выгода. Сила, способная менять историю. Тонкие и опасные игры, сладкие сети, в плен которых враги сдаются сами.

Полыхнувшим в её глазах пламенем можно было бы сжечь Варромар. Да что там – целый Астраи́т! Камень плакал бы горячими слезами, умоляя бушующую стихию по имени Юна Горст прекратить мучения. Прелестное зрелище.

– Элигия плохо на тебя влияет, – рассудила мейлори и что-то пробурчала себе под нос.

Если бы она только знала, сколь многое Кирмос отдал бы за то, чтобы Элигия имела хоть десятую долю того влияния, которое оказывает на него присутствие Юны! Разобраться с этим было бы гораздо проще.

Что, если и правда её поймать? Быть может, тогда наконец станет легче...

– Мы сейчас говорим о тебе, – он вернул разговор в нужное русло. И, скорее, для самого себя, уточнил: – Я, как хороший ментор, пытаюсь убедить тебя научиться ещё хоть чему-то, помимо способов убийства. В конце концов, кроме навязчивой идеи уничтожения Кирмоса лин де Блайта, у тебя есть ещё и вполне мирная жизнь. И я жду, что ты, как хорошая мейлори, прислушаешься ко мне.

Магистр Джермонд Десент мог бы собой гордиться. Выдержка, дистанция и мудрые наставления. Хороший ментор для хорошей мейлори.

Жалкий, малодушный слабак.

Кирмос лин де Блайт, тот самый, который представлялся Юне Горст вселенским злодеем и кровавым диктатором, — кто знает, как далека она была от истины, — не счёл бы магистра факультета Ревда даже достойным противником.

— Ну ладно, — тем временем несогласно согласилась Юна. — В следующий раз возьму на вылазку блестящую книгу Првленской. Сопру у какой-нибудь первокурсницы. Всегда подозревала, что розовая крошка, которой она обсыпана, — пыльца фей, превращающая икша в рудвиков.

Кирмос не выдержал и всё-таки расхохотался. От абсурдности момента, скорее, чем от детской шутки.

— Надеюсь, эта великая сила изменит историю, даст власть, а заодно своей тонкой и опасной игрой убедит их не жрать меня. Я разгадала секрет магии Иверийцев!

Раззадоренная успехом, Юна тоже рассмеялась. Уже молодая женщина, но ещё сущий ребёнок.

— Это меня в тебе удивляет, — честно признался ментор. — Ты способна усваивать сложные истины, менять своё мировоззрение, с искренним рвением постигать магию Ревда, силой выдирать уважение у толпы, но настойчиво игнорируешь безотказно действенные методы её оболыщения.

Сказал и сам себя удивил. Ведь это он на самом деле всё это время берёт её. От того, о чём говорил, — от мира взрослых отношений и краткосрочных обязательств страсти, которые не несут ничего, кроме горькой пустоты и разочарования в финале. Ментор не хотел пугать её, причинять боль,

видеть сожаление в её глазах вместо смешливости. Джермонд Десент был добр, внимателен и терпелив. Не позволял лишнего не только себе, но и никому другому.

– Что-то я не видела, чтобы ты сразил кого-то на арене кокетливым взглядом или красноречивым касанием, – заску-чала мейлори, не заметив перемены в разговоре.

...кто знает, смог бы Кирмос удержаться, если бы Юна действительно хоть раз попыталась его соблазнить. А ей хотелось. Он видел, как она лнёт к нему каждый раз, стоит только прикоснуться. Это было даже любопытно – испытать пределы своих возможностей.

Это был вызов.

А вызовы самому себе Кирмос обожал.

– Увы, мне эта сила недоступна, – коротко соврал он и встал.

Бесшумно ступая, ментор приблизился к мейлори. Сел на край кровати. Медленно и осторожно вдохнул, стиснул зубы. Задержал дыхание. Как тогда, в Пенте Толмунда, когда совсем молодой ещё Кирмос Блайт впервые шагнул в обитель кровавого бога. Он действовал наобум, повинувшись кипящей страсти и острому желанию, вопреки разуму. И – как тогда – резко вспотевшие ладони, участившееся сердцебиение, предвкушение чего-то судьбоносного.

– Мне, очевидно, тоже, – Юна, увлечённая стрельбой и по-прежнему не замечающая повисшего в воздухе напряжения, прицелилась.

– Вот как раз тебе не пользоваться этой силой – просто преступление, – почти интимно прошептал Кирмос, прерывая её занятие.

Стрела Карнеума послушно легла в колчан, и ментор откинул его подальше вместе с луком. Мейлори возмущенно встрепенулась. Поднялась, убирая с лица выбившиеся пряди, раздражённо дунула на непослушный клочок. И наконец-то поняла, что обычная беседа превратилась в кое-что поинтереснее.

Кирмос прищурился.

Юна насторожилась, как маленький дикий зверёк, почувывший опасность. Казавшая беззащитной, доверчивой, она могла в любое мгновение вцепиться ему в глотку. Кирмос знал это напряжение в плечах, это полное обращение в слух и контроль над собственным телом, когда даже по движению воздуха улавливаешь изменения. Он сам научил её этому – внимательности и чуткости перед боем и внутри него. Чему ещё ментор мог бы научить свою мейлори?

Повинуясь внезапному порыву, он потянулся к сидящей напротив девчонке, ведомый первобытным инстинктом. Взять, взять, взять! Попробовать на вкус, насытиться. Видят боги, Кирмос лин де Блайт сделал бы это, сдался во власть похоти, не сдержался. Ступил бы за границы дозволенного, наплевав на свои же собственные ограничения, полностью признавая поражение. Он бы не смог остановиться сам, если бы внезапно не наткнулся на резкую, отрезвляющую преграду.

ду.

Страх мейлори.

Молниеносный, как пощечина. И мощный, словно на ментора вылили ушат с ледяной водой. Самый мерзкий из всех видов, именно этот древний, дикий страх перед мужчиной непременно заставил бы его бросить все дела и нестись к мейлори хоть из самого пекла Толмунда, будь он далеко. Но ментор был рядом. И причиной этого страха был он сам.

Какая издевательская насмешка Квертинда!

Мейлори издала какой-то хриплый звук – не то смех, не то мольбу о пощаде. Призывая на помощь *его*. К сожалению, не Кирмоса – Джермонда Десента, хорошего ментора, покровителя и доброго защитника. Кажется, оберегать её вошло у Кирмоса в привычку. Самый извращённый из всех видов наслаждения – испытывать удовольствие от того, что отказал самому себе. Почти блаженствовать, предотвращая угрозу. Это безумство на вкус было слаще, чем запах, что въедался в сознание и оседал где-то в глубинах памяти.

– Никогда не думал, что придётся защищать тебя от себя самого, – вырвалось у него.

Взгляд метнулся к её губам – плотно сжатым, искусанным. И ниже – на белеющую в раскрытом воротае ключицу, почти спрятанную под тёмной косой. Эти точёные, изящные ключицы – самое идеальное, что Кирмосу доводилось видеть в жизни. Десять лет Зандагата, если только покажешь ей, что смотришь на неё с вождением. Вечно корчиться в испуге.

лении *Sang dalor* и радоваться, что физическая боль может вытеснить нездоровую похоть.

Кирмос с усилием поднял руку, подавляя неожиданное и неуместное желание обнять Юну, прижать её к груди. Взял одну из кос, потянул конец тёмной, туго намотанной вокруг волос ленты. Нарочно придавая движениям мучительную медлительность, ментор расплетал волосы мейлори. Мысленно считал вдохи.

Один.

Два.

Пять...

Как там дальше?

Толмунд, у этой девчонки даже нет нормальных женских заколок! Она понятия не имеет, что такое дамские уловки. Как жаль... Быть может, тогда Кирмос воспринимал бы её иначе.

– Зачем? – еле слышно простонала Юна.

Она вжалась в спинку кровати, готовая к пыткам. И всё ещё боялась – Кирмос чувствовал, как плещется между ними её страх, клубится алой нитью связи, то истончаясь, то набирая силу. Меняется, перерастая в нечто иное, вбирая в себя примеси её эмоций – щемящей нежности, изумления, недоверия. Желания.

– Хочу посмотреть, – ответил он, принимаясь за другую косу.

В косых лучах света, едва пробивающихся сквозь высокое

кольцо окон, летала вековая пыль. Ментор и мейлори сидели на постели в полной тишине, в опасной близости друг от друга, и его пальцы уже не просто трогали – гладили пряди её волос. Кирмос считал вдохи и думал, что не существовало мгновения, когда бы он был могущественнее. Он стал все-сильным, и никто и ничто не смогли бы остановить его, поскольку единственная, кто был властен над его яростью, над его пылом, над его душой и телом, находилась в надёжных – его собственных! – руках. По злой случайности мейлори стала источником его грандиозной силы и одновременно его же гибели. Если так и дальше пойдёт, то оставлять её в живых означает не просто играть с огнём. Это означает играть со смертью. С самим Квертиндом.

– Давно хотел это сделать, – вкрадчиво признался ментор и улыбнулся, чтобы скрыть промелькнувшую мысль об убийстве.

Юна сидела неподвижно, а он играл с её прядью, выписывая в воздухе узоры, наматывая волосы на пальцы, подкидывая в воздухе. Страх полностью ушёл, растворился, и связь исчезла, вытесненная облаком свежего цитрусового запаха. Он стал настойчивее, гуще и как будто мрачнее. Теперь это был аромат самоубийства Кирмоса лин де Блайта.

– Разве сегодня вы завтракали баторскими апельсинами? – спросил ментор. – Твои волосы пахнут иначе.

Ему хотелось сменить тему и услышать милый щебет женского голоса. Рассказ о южных фруктах или какой-нибудь че-

пухе. Бесполезные и бессмысленные разговоры о том, что не имеет важности.

– Нет, – ответила Юна и торопливо зашептала: – Это всё икша... То есть Фиди. Это она... То есть такая специальная мазь... или не мазь. Из-за неё пахнет.

На несколько секунд она замолчала, распахнув глаза. Наткнулась на его взгляд и поспешно опустила ресницы, но Кирмос успел разглядеть смущение и едва уловимую ноту удовольствия. Именно то, что ментор мечтал видеть в её глазах, – удовольствие, многократно множившее его собственное блаженство. И снова это проклятое чувство: радость от её трепета, предвкушение чего-то большего. Обострённые эмоции как будто вернули Кирмоса в детство. В те времена, когда он ещё не был Чёрным Консулом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.